

Шкловский Виктор Борисович

Жили-были

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Шкловский Виктор Борисович

Жили-были / Шкловский Виктор Борисович – М.: Книга по Требованию, 2011. – 100 с.

ISBN 978-5-4241-2988-9

"Жили-были" - книга, которая писалась в продолжение всей долгой литературной жизни известного писателя В.Шкловского. Это воспоминания, мемуарные записи - повести о времени с конца XIX в. по 1962 г. Во всех произведениях книги автор рассказывает о том, что сам видел, о среде, в которой жил, о людях, с которыми встречался.

ISBN 978-5-4241-2988-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Шкловский Виктор
Жили-были

Виктор Шкловский
ЖИЛИ-БЫЛИ
Воспоминания
ДЕТСТВО

Почему начинаю с описания детства!

Много раз начинал писать и писал воспоминания как дневник. Записывал то, что происходит, чтобы понять. Те книги вышли в 30-х годах. Прошло для книг и двадцать, и тридцать, и сорок лет. Теперь пишу уже воспоминания. Стараюсь писать и теперь то, что видел и слышал, а не то, что прочитал. Воспоминания легче всего делать по книгам, но книги - чужое восприятие и обыкновенно уже обобщенное. Кажется всегда, что тот мир, в котором живешь сейчас, и прежде существовал. А между тем были иные улицы - они были зимой белые и тихие, были иные окна, через которые мы смотрели на эти улицы или старались смотреть, потому что зимой окна замерзали, а летом стекла замазывали, чтобы не выгорали обои.

Я начинаю писать под Москвой. Через поле от меня аэродром "Шереметьево".

Как будто самой скоростью вытянутые тела быстrolётов предваряют своим появлением свист. Свист, разрезан воздух, подтверждает то, что минуло для глаза; привыкаю.

Ночью борта самолетов продырявлены огнями; аэродром навстречу им вспыхивает сигналами подтверждений; как огонь, кипит он, выбрасывая огненные пузыри.

Огни перебивают огни.

Взлеты, подлеты, нарастающие и убывающие шумы.

Почти привык. Только жду шума, засыпаю в шумах.

Чтобы заснуть, хорошо представить баранов, которых моют в море, или хотя бы одни только волны. В море садится солнце, оно пристаёт к горизонту, оплывает и испепелется, как сыроватый, подожженный кем-то стог сена.

Перед белыми лбами волн появляются тени; волны белеют прижато, идут, как сфальцованные газеты из-под вала ротационной машины. Листы Лоты: шуршат, бормочут, как волны реки забвения.

Не засыпаю. Сердце звучит, как телефон с небрежно положенной трубкой. Сны перелистывают меня.

Там, за стенами дома, который называется "Щ-3", закат горит холодными синими и красными полосами. Царит, повторяясь и переливаясь, мнимая тишина. Скоро начнутся прилёты "ТУ-114".

Нет, я не перелистываю, вспоминая, старые газеты. Ветер стучит в асбестовые листы обшивки домики. Поздно. Надо спать. Не думать, не строить планов. Свист самолета: это проходит над шиферной крышей его звуковой след. Навстречу красной, белой пеной кипит аэродром огнями сигналов.

Засыпаю. Перерыв. Проходят невидимые поезда. Они за березовой рощей подсчитывают невидимыми колесами невидимые стыки.

Необрывающийся свист: "ТУ-114" взлетает. Странно спросонья, что он не постукивает по меридианам. Спокойно вертится Земля; в небе, вероятно, выкрутилась знакомая звездочка. Как ее зовут?..

Дремлю. Вероятно, над Москвой зарево, бледное, как грудь сизого голубя.

Перерыв. Я вспоминаю. Годы неравномерным потоком идут за годами: два года, три года, пять лет,- годы идут медленно, юность едет трамваем, старость летит как "ТУ-114", не постукивая даже на гранях десятилетий. Сны без забвения.

Не удивляйтесь тому, что сейчас будете читать о маленьком мальчике, незнаменитых взрослых и о простых событиях.

Для того чтобы лучше увидеть течение реки, бросают пучок сорванной травы на воду и по травинкам, которые то медленно, то быстро уходят прямо и вкось, угадывают ход струи.

Хочу вам показать ход времени. Люди, о которых будет рассказано в первой части,- просто люди старого времени, а мальчика, мною описанного, не предлагаю взять на воспитание: ему скоро будет семьдесят лет. Он трудновоспитуем.

Своевольный библейский бог создал мир, говорят, по образу своему и подобию, но и это утверждается только про Адама.

Кроме того, в мире существуют муравьи, слоны, жирафы: они друг на друга не похожи. Они не подлежат редактированию - они животные разной породы. На это не надо сердиться.

Не похожи друг на друга и люди.

Воспоминаний уже напечатано много, но в них прошлое больно нарядно. Мое детство ненарядное.

У хорошего писателя Помяловского герой спрашивает себя: "Где те липы, под которыми я вырос!" И сам отвечает себе: "Нет таких лип и не было".

Воспоминаний сейчас печатают много, но люди любят свое прошлое и украшают его цветами и традиционными липами.

Я буду писать без лип.

Итак, напишу прямо. Небогатый человек до революции жил ограниченно, слепо, замкнуто. Говорю о людях своего круга.

То, что вы прочтете сейчас,- это не книга и не отрывки книги. Я стараюсь дать три законченных куска: детство, юность - они кончаются революцией, увиденной снизу.

Но революция, еще не наступив, уже изменяла нас.

Я напишу второй раз о ней, когда буду говорить о литературе предсоветской и о рождении советской литературы.

Расскажу во втором отрывке о Петербургском университете, о Маяковском, Блоке, Горьком, об Опоязе, о котором многие забыли. Это будет рассказ о судьбе - не о том, как должен был жить человек, а о том, как он жил.

Третий кусок посвящен истории советской кинематографии. Расскажу о Сергее Эйзенштейне, Александре Довженко, о Всеволоде Пудовкине и о людях, с которыми начинал,- о Льве Кулешове, об Абраме Рооме. Это будут главы о неожиданных удачах и тяжком труде.

Самое начало

Летом Нева синяя. Зимой белая. Через синее ездят ялики с прозрачными высокими носами. Через белое тянутся высокие желтые мостки. Летом на реке качаются, тихо скрипя темными канатами, деревянные, серо-бурые, во время наводнений крутые мосты.

Три одномастных клячи скачут под зной и выносят вагон из крашеной жести на горб моста. Здесь они останавливаются. Третью лошадь отцепляют. Кучер звонит: пара кляч натягивает кожаные постромки. Вагон трогается.

Третья лошадь с форейтором на спине шагом возвращается вниз за новым вагоном.

Так на деревянных мостах, так и на двух железных - Николаевском и Литейном.

Трамвая в городе еще нет, еще не кончилась концессия конно-железной дороги, которая владеет рельсами на всей петербургской земле. Зимой (по не предусмотренному концессионерами льду) от Адмиралтейства к Петербургской стороне и обратно ходит маленький вагончик электрического трамвая.

С набережной через высокую гранитную ограду смотрел я на клочок синего сверкающего пламени, что мелькал над вагончиком.

Фонари в городе в центре газовые, с голубым светом. На окраине желтые, тусклые, керосиновые, с копытю на стеклах.

На Невском на высоких столбах электричество дрожит и зудит фиолетовым сиянием.

Электричество еще молодо и ходит на четвереньках.

Город тих. Зимой город сед от снега. В городе нет автомобилей, нет их и как будто и не будет.

Летом город сереет пылью и гремит колесами ломовиков.

Все это было по ту сторону горы времени, где существовал другой климат и другие решения для каждого дела.

Жизнь шла по другим отметкам.

Родился я в городе, который тогда назывался Санкт-Петербургом, в семье уездного учителя, который имел четырехклассную школу без прав на Знаменской улице. Тогда она называлась Знаменской - по белой церкви Знамения божьей матери, стоящей на углу Невского.

Город сейчас называется Ленинград, улица - улицей Восстания, а отец впоследствии, глубоким стариком уже, кончил педагогическую академию и умер профессором Высших артиллерийских курсов.

Вместо церкви стоит белое здание метро - тоже с большим куполом.

Не бойтесь, я не буду писать все подряд и не буду так точно описывать, что переменялось, потому что переменялось все.

Но то, что прошло, было для меня важным.

Сколько дней, или часов, или минут проживаешь за свою жизнь? Она проходит в ожидании; комкаешь ее и выбрасываешь, как бумагу, как черновик, чтобы наступил срок белой рукописи. Но прожить набело нельзя.

Вот черновик сначала.

Был тогда обычай в состоятельных и средних семьях: матери сами не кормили, а нанимали кормилиц. У нас денег было мало, но у мамы не было молока, и кормилицу наняли. В старые времена, говорят, кормилицы приходили со своим ребенком, выкармливали своего и чужого; чужой: ребенок звался молочным братом или сестрой кормилицыного ребенка.

Но времена в городах становились суровее, патриархальное молочное братство кончилось. Квартиры небольшие, ни о каких молочных братьях разговора не было; кормилицу нанимали, ребенка своего она оставляла, и, вероятно, его дома кормили соской из жеваного хлеба. Кормилицы ходили по улицам в специальных костюмах от хозяина, вроде древнерусского, в таких, какими они представлялись журналу "Нива": кокошник, вышитый фальшивым жемчугом. Если

мальчик, то кокошник у кормилицы синий, а если девочка, то красный. Кофта не в талию, тоже красная. Юбка не запомнил какая, а на голову к кокошнику привязано много разноцветных лент.

Кормилицу нанимали выкормить,- вероятно, месяцев на восемь,- и очень следили, чтобы не приходил к ней ее муж. Муж чтобы был законным, потому что нравы были лицемерны. Законный муж не должен быть во время выкормки мужем: чтобы у кормилицы молоко было не балованное, оба должны были жить монашеской жизнью. Отдай сына, мужа, свое молоко, пройди медицинский осмотр и ешь восемь месяцев сытно. Платили кормилице больше, чем кухарке.

Я запомнил свою кормилицу, конечно, не тогда, когда она меня кормила, а после, когда приезжала из деревни большая, рыжеволосая женщина, привозила мне пресные лепешки, целовала меня и плакала, узнавая и не узнавая.

Очевидно, я был ей все еще как родной. Все же свой: молочный.

В то время у меня была няня, и я ходил с ней по улицам в мире, который кончался недалеко.

Утро. На рубашку надевали лифчик, застегивающийся сзади, к лифчику пристегивались резинки, к резинкам - бумажные чулки из бело-красной или бело-синей крученой нитки.

Носили мы бумазейные кофточки, серые, с резинкой, продетой внизу. Под резинку клали носовой платок; карманов в коротких штанишках не было. Надевали суконные штанишки.

Слово "кофточка" обидное - не мужское.

Оно не забывается. Детские обиды - это не заноза под ногтем: они остаются.

В детстве дни полны новостями, длинны от неприятностей.

До сих пор помню, как обидно, когда тебе крепко и старательно вытирают жестким платком нос.

Очень обидно.

Мы иногда ездили на Васильевский остров: там жил дядя Анатолий специалист по винам. Он жил в деревянном доме, у его жены тройное зеркало, на подзеркальнике которого стояла маленькая розовая копилка - свинья: она для меня находилась на самом краю света.

Дома Настасья Федоровна рассказывала нам вещи, которым мы верили без спора; например, что если наступить ни круглый мокрый след, оставшийся от ведра, то по лицу пойдут круги.

Я и сейчас на круг не наступлю.

Сказки няни нам не рассказывала: она была горожанка, дочь разорившегося купца Бакалова.

Сказки читала по трепаной книге Афанасьева сестра Женя. Она меня старше на два года. Были у нее золотые, некруто завитые кудри.

Выбирали мы сказки, в которых много чертей, но чертей боялись. Женя взяла синий карандаш и вычеркнула все упоминания чертей. Я вот и сейчас вижу эту книгу перед глазами с синими помарками; когда мы доходили до синего слова, то сестра показывала мне два пальца, что означало рожки, значит, черт. Женя была первым редактором в моей жизни.

Сестра читала не долго - уставала.

Страшного в мире было не очень много, хотя дети знали про холеру. Холера

не проходила и являлась каждый год. Заболевали от нее сотнями.

Няня рассказывала мне как достоверное, что доктора берут холерных и бросают в большую яму, очень глубокую - в ней ничего не видно. Если нагнуться над такой ямой, то только услышишь: "У-у-у..."

Но у нас дома холеры нет - мы болеем корью, сразу все. Окно завесили красным, и нам дают кисель, одним - малиновый, другим - черничный.

Жестоко заболела ревматизмом сестра; потом у нею был порок сердца. Недоглядели: тогда не знали о том, что ангина страшна для сердца.

Мы жили как на отмели среди неглубокого моря. Не приходили корабли с вестями.

Жили как будто в траве - не очень высокой: как раз такой, что покрывала с головой.

Попробую записать то, что помню.

Постараюсь сперва рассказать, как выглядели улицы и как менялись они в медленные годы моего детства.

Изменялись вывески: на них пропадали рисунки и становилось все больше букв. Прежде по бокам трактирных дверей были изображены миски, булки, селедки на белых длинных блюдах. Все это на синем фоне. Над бакалейной лавкой рисовали сахарные головы и ананасы с зелеными перьями, а также конверты с марками; у окон магазина с готовыми вещами на синем фоне были нарисованы черные шубы с чуть подкрашенными воротниками.

Позднее появились вывески из золотых выпуклых букв на черном фоне или написанные золотыми буквами на стекле.

Еще позднее появились вывески, написанные на изнанке стекла.

Букв на улице оказывалось все больше, а пестроты меньше, и лавки становились похожими на магазины. Гуляли мы по улицам недалеко, особенно зимой. Один квартал по Знаменской улице, около церкви Козьмы и Демьяна. Церковь стояла на Кирочной. Мы, дети, нас было четверо, три брата и одна сестра (я младший), говорили: Козьма и Обезьяна, ни о чем не расспрашивая старших. Мы даже знали, где живут обезьяны.

Церковь имела маленький сквер. Снова проход, и в этом проходе ва стеной сарай с трубой; из трубы часто шел дым; значит, там топили печи. Вот это и создало нам миф, что в амбаре живут обезьяны, они любят тепло; проверить мы не пробовали.

Вера относится к невидимому, как к видимому,

Город вымощен крупным камнем - булыжником. Мостили вручную, так, что если посмотреть внимательно, то камни сходятся к одному месту, кажется, по шесть штук. Все камень в камень - белые плиты панелей и серый булыжник.

На той улице, где я родился, траве расти запрещено: ее вычищают скребком; на дворе не трава, а крупнолистая, бесстебельная поросль, похожая на рваные куски темно-зеленой бумаги.

В городе заводились пятиэтажные дома с выступающими балконами: ломали каменные двухэтажные и одноэтажные дома; даже не ломали, а раскручивали венец за венцом, как нитку.

Наша квартира в двухэтажном доме. Первый этаж каменный. Рядом ломают флигель, рубят сад.

Я с нянькой Настасьей Федоровной этому радуемся: считаем, что город станет

красивее, если каменные дома примкнут друг к другу плотно, без всяких пропусков, карниз к карнизу.

За далеким прудом дворец с толстыми колоннами. Потом узнаю, что дворец зовут Таврическим.

На лужайках дубы простирают крепкие ветви.

Улица, где мы теперь жили, звалась Надеждинская; она рядом со Знаменской, где я родился. Теперь она не Надеждинская, а имени Маяковского, и на ней посажены деревья.

Лет сорок пять тому назад мы с Маяковским ходили от дома, в котором он жил на углу Спасской, к улице Жуковского громкой Надеждинской улицей. Она была громкой, потому что вымощена булыжником.

Выходила она на другие улицы, которые не гремели, потому что были выложены торцом.

Выйдешь туда и услышишь: негромко, раздельно стучат по дереву конские копыта, шума колес нет совсем.

На тех улицах живут иные люди; когда те люди болеют, перед домом по торцам разбрасывают солому, чтобы не слышно было, что копыта все же стучат.

По дороге к Литейному проспекту на пустой площади стоит собор Спаса Преображения. Собор огорожен пушками дулами вниз. Стоят они по трое: одна высокая посредине, две короткие и толстые по бокам, Между пушками висят цепи. Я на тех холодных цепях тихо качался.

Внутри собора прокоптелись белые стены. Старые знамена, собранные пучками, растут из стен как кусты; на них только память о гербах и надписях. Самое замечательное внутри - высокая лестница на маленьких колесиках, вероятно, с нее вытирают пыль с карнизов собора. Никогда не видал, как поднимаются сторожа по этим лестницам, но сердце мое замирало, когда смотрел я вверх на узкие истертые ступени. Первое представление о высоте.

Вода в набережных обыкновенно лежит совсем низко. По низкой воде ходят маленькие крытые парходики. На пристани шелкал турникет и мальчик с помпоном кричал:

- Калинин мост - пять копеек!

Подходит парходик и бортом толкает пристань. Парходик идет по Фонтанке, проходит под длинными мостами, труба заламывается назад, дым заполняет черный проход и затирает полукруглое пятно света впереди.

Комнаты

Комнат у нас три: столовая с двумя окнами - одно выходит на лестницу, а другое по двор; детская с двумя окнами - одно выходило в кладовую, а другое во впадину, образуемую кладовой и пристройкой для лестницы; поперек этой впадины лежало бревно серо-зеленое, на бревне сидели хвостами к детской голуби; еще спальня с одним окном на улицу.

Зало не наше - оно школьное. Там стоит рояль; поздно вечером мама там играет.

Столовая, как и у всех, оклеена коричневыми обоями с черточками под дуб.

Желтые стены почти целиком закрыты фотографиями - большими и маленькими, в разных рамочках.

Увеличенные фотографии изображают детей, сидящих на высоких необычай-

ных стульях, держащих друг друга за руки. Это фотографии в плюшевых рамках. Маленькие фотографии в деревянных ореховых рамках. Между фотографиями этажерочки - черные лаковые, с цветочками. На этажерочках кошечки и девочки. Когда кошечку разбивали при уборке, то ставили безделушку другим боком, чтобы не видно было изъяна.

Знали, что олеографии, которые получали бесплатным приложением к "Ниве", вешать на стены нельзя, но вставляли их в золотые рамы и вешали. Украшали золотые рамы красными шнурами, ведущими к гвоздю, а гвоздь сверху покрывали золоченой розеткой. На этом шнуре картина не висела - она висела на запыленных веревочках, которые были скрыты картиной и шли к другому, настоящему крюку.

У стен буфеты, на створках которых набиты разные изображения: фрукты, дичь. Все заперто.

Ключи надевали на кольцо; их было много, они бренчали, их все время теряли - к кольцу поэтому прикрепляли цепочку.

Мебель мягкая, обтянутая так, что дерева совсем не видно; кресла, стулья, кушетки низкие, мягкие.

На окнах джутовые портьеры с бумазейной прокладкой и с коленкоровой подкладкой. Под портьерами на окнах тюлевые занавески: очень много мягкого, пыльного. Даже на столиках на углах сверху были мягкие простеганные накладки: шелк, какие-то обтянутые шелком пуговицы и вата, пробивавшаяся из-под истертой материи.

В детской пять кроватей: четыре наших и одна бонны. Есть и один стол большой и один детский - низкий. Доски обоих столов сверху обиты клеенкой. Четыре стульчика. Два больших стула. Они звались - венская мебель.

Помню свои руки на сетке. Помню, что проковырял штукатурку на стене около своей кровати. Под штукатуркой оказались доски. Я был разочарован. Помню окрашенные масляной краской игрушки - я их грыз.

У них вкус разочарования.

Стены выкрашены белой эмалевой краской. В углу печка круглая, с железной заслонкой, она окрашена той же краской. Помню запах краски при топке.

На стене маленькое зеркало в ореховой рамке и другая рамка - тоже ореховая. В рамке карточка: сидят дед и бабушка, а рядом с ними стоят три тетки и смотрят прямо на меня открытыми глазами.

Все недоделано и уже попорчено. Есть французская поговорка: когда квартира сделана - приходит смерть.

Там, где жили небогато, смерть приходила в неоконченные квартиры.

Вернусь в столовую. На столике с мягкими уголками альбом с фотокарточками, альбом переплетен в кожу и украшен какими-то цветами, вытисненными из тонкой латуни. Эти цветы поломаны. Внутри альбома в одни толстые листы ввинуты карточки по одной, а на других маленькие карточки по две.

Одни карточки еще белые, а другие уже желтые.

У моей крестной, Катерины Федоровны Маевской, в альбом вделана музыкальная шкатулка; можно завести. Медленно вращается валик с шипами, лениво задевая за зубья металлической гребенки.

Больше ничего интересного в том доме нет, хотя на подзеркальнике стоят какие-то дамы, поддерживающие стеклянные дудки.

Это было все вздором, от которого не осталось даже черепков, но сохранилась плесень: такой вздор иногда делают заново.

Заборы и деньги

Жили испуганно и прятались от жизни. Тетя Надя говорила, гордо подымая седую голову:

- Я прожила жизнь, ни в ком не нуждаясь, и ни в чем не была замечена.

Жизнь была вся огорожена.

Всё запирали, потому что всё дорого. Всё сосчитано и отмерено. Колотый сахар стоит четырнадцать копеек, а песок - одиннадцать копеек; когда нанимали прислугу, то чай, сахар оговаривали отдельно.

Я долго не знал названия деревьев, трав и звезд. Имена зверей знал только по лоту, но знал копеечные расчеты.

Было очень тихо. Воевали где-то далеко и в незнакомом - в Африке и Китае.

Кончался XIX век. Как-то в журнале увидел рисунок: человек с крыльями; плоские крылья расположены на уровне шеи, внизу торчат длинные ноги. Потом узнал, что зовут человека Лилиенталь. Он хотел летать и сломал ноги.

Летать не надо.

Если сегодня попытаться вспомнить, каким я представляю себя тогда, то получится так: я стеклянный, прозрачный, плыву в воде, не перегоняя ее и не отставая; меня нет, а вокруг все меняется.

Мне печально и интересно.

Расскажу о заборе.

Лет шестьдесят пять тому назад жили мы на крутой песчаной горе в пятнадцати километрах от Петербурга, у прудков, которые лежали вдали.

Под песчаной горой - дюнами текла узенькая речка; она была запружена и образовала ряд прудов, которые звались Озерками.

Крохотным мальчиком я нашел место, откуда вытекала речка. Очень гордился,

Озерки потом были отмечены - Блок здесь видел Незнакомку,

Мы считали Озерки большой водой

На Озерках, помню, происходили даже гонки на яхтах.

Маленькое солнечное пятно в памяти, сквозь него проходит наклоненная яхта, которая почти черпает бортом воду. Яхта идет небыстро. Трое взрослых, одетых в пальто, сидят на высоко поднятом борту. Яхта делает поворот.

Обычно же внизу только стучали весла в уключинах.

Купались в Озерках в ящике. Ящики делались решетчатыми, они погружены в воду; сверху их отгораживали голубые доски купальни.

Вода в купальне снизу светилась полосами между брусками решетки; она голубая и зеленая. Сверху купальня полузакрыта крышей, чтобы дождь не промочил одежду купающихся.

Рядом с дачей на косогоре спускается к воде кладбище. Могилы огорожены. Кладбище богатое. Пругья металлических решеток с остриями вверх изображают копыя. Все покрашено эмалевой белой краской. Памятники тоже покрашены. На них овалы лакированных фотографий на фарфоре. Земля между камнями памятника и железом решетки вышита пестрыми крестиками и кружками цветов.

Тут же косо стояли овальные коробки со стеклянными крышами, и в них под